

Дентон Маркс

АКАДЕМИЧЕСКИЕ СТАНДАРТЫ КАК ОБЩЕСТВЕННЫЕ БЛАГА. ВОЗМОЖНОСТИ ДЛЯ ОПОРТУНИСТИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ¹

Экономисты давно признают, что эффективное производство благ, характеризующихся возможностью неконкурентного потребления и сложностью исключения из потребления (чистых общественных благ), связано с определенными трудностями, которые объясняются тем, что потребители этих благ обычно не демонстрируют своей истинной готовности платить за них. Такие «безбилетники» понимают, что им невозможно отказать в доступе к благу, и потребляют его, не оплачивая в полной мере. Академические стандарты позволяют оценить качество академической деятельности (например, исследования, образование студентов), но выгоды, которые они приносят (например, репутация), очень похожи на выгоды от общественных благ. В связи с этим возникает склонность к оппортунистическому поведению, что обуславливает неэффективно низкий уровень их «производства». В данной статье исследуется вопрос, каким образом стандарты обеспечивают блага, обладающие характеристиками общественного блага, и порождают проблемы «безбилетника» и «недопроизводства» в разных сферах академической жизни. В работе обсуждаются вопросы поддержания качества академической деятельности и сложностей предотвращения оппортунистического поведения.

Аннотация

В нашей жизни существует множество правил. Правилами являются законы и нормативы, регулирующие наше поведение в обществе вообще и в коммерции в частности. Мы сами выбираем, в какой степени им подчиняться и какой риск последствий за неповиновение нести. Правилами являются и законы природы, которым мы следуем непроизвольно (например, передача кислорода в мозг через сосуды), обычно предпочитаем следовать (например, дыхание, сон) или часто не следуем (например, сбалансированное питание).

Введение

¹ Marks D. Academic Standards as Public Goods and Varieties of Free-Rider Behaviour // Education Economics. 2002. Vol. 10. № 2. P.145—163.

Некоторые правила мы называем «знанием»: мы можем им не следовать, но зачастую находим их полезными (например, использование алгебраических вычислений для решения уравнения, правила грамматики, устоявшиеся значения слов) (см.: *Hodson*, 1998, p. 185—187).

Некоторые правила полезны сразу по двум причинам. Во-первых, они приносят непосредственную выгоду, способствуя решению тех или иных задач (например, логический анализ, прогнозирование, производство товаров с минимальными издержками). Следование им снижает риск заболеваний, травмы и смерти, они могут упростить и интенсифицировать процессы передачи информации. Во-вторых, мы оказываемся в выигрыше, когда правила широко распространены, им следует большое количество агентов, и проигрываем, если это не так (например, правила дорожного движения): знание о согласии большинства следовать правилу снижает неопределенность. Отсутствие согласия, наоборот, делает жизнь более рискованной. Таким образом, правила являются благами в экономическом смысле. Более того, они обладают двумя характеристиками, которые делают их общественными благами (ОБ): они приносят выгоду более чем одному «потребителю» одновременно и, следовательно, обладают свойством неконкурентности в потреблении; при этом исключение из потребления требует значительных затрат или вообще невозможно².

Из представления о правилах как о благах следует аналогичное представление и о социальных нормах и стандартах (*Marks*, 2000—2001). Нормы и стандарты поведения менее четко определены, нежели правила, но обладают значительным влиянием на нас, так как определяют надлежащее или ожидаемое поведение в группах, к которым мы хотели бы принадлежать. Предмет нашего исследования — стандарты академического сообщества, выгоды, которые можно получить от их «производства»: например, признание и статус; и, вероятно, приобретение навыков, общественное доверие и уважение за строгое следование им; а также сложности, которые возникают, если члены сообщества хотят получать выгоды от этих стандартов, но не желают создавать и поддерживать их. Потребители, которые получают выгоды от традиционных ОБ, не демонстрируя истинной готовности платить за них, являются «безбилетниками», и их поведение становится причиной недопроизводства ОБ. Мы будем исследовать проблему «безбилетника» в академическом сообществе.

Масштабы проблемы «безбилетника» зависят от размеров группы потребителей ОБ (*Olson*, 1965, p. 2). Небольшие группы лучше справляются с поддержанием порядка и обеспечением должных вкладов всех ее членов в производство ОБ. С ростом группы увеличивается склонность к оппортунизму, так как возникает ощущение,

² Стоит заметить, что название «общественный» обозначает одновременность получения выгоды, а не сектор экономики, производящий эти блага, — это общее заблуждение относительно значения термина «общественные блага». По своей природе выгода, приносимая этими благами, принадлежит обществу и не может быть присвоена или целиком потреблена одним индивидом. Это их основное отличие от чистых частных благ, таких, как продукты питания.

что общее количество произведенного ОБ мало зависит от доли каждого: можно потреблять практически одно и то же количество ОБ независимо от собственного вклада. Проблема «безбилетника» имеет неблагоприятные последствия: чем меньше у потребителей ОБ желания продемонстрировать истинную готовность платить за него, тем меньше производимое количество ОБ и тем ниже действительный уровень производства ОБ относительно социально эффективного (т.е. отражающего истинную ценность ОБ для общества) уровня. Производство ОБ представляет собой «провал рынка», так как частные производители, будучи не в состоянии ограничить доступ для неплательщиков, не будут производить его на социально эффективном уровне.

Для того чтобы понять смысл дискуссии, которая последует далее, необходимо определить, каким мы видим университет. Характеристика Блума демонстрирует одну из возможных точек зрения, которая порождает значительную часть подобных дебатов.

«... Университет должен прийти на помощь незащищенному, робкому уму. Университет — это место, где добиваются признания исследования и философская открытость. Его цель — поощрять использование интеллекта ради самого интеллекта, создавать такие условия, в которых духовное и физическое превосходство лидера не заставит отказаться от философских сомнений...»

Свобода мысли требует не только отсутствия юридических границ, но и (это особенно важно) наличия альтернативного образа мышления. Самая успешная деспотия — не та, что использует силу для обеспечения единообразия, а та, что не дает осознать наличие других возможностей, та, что делает невероятным то, что существуют другие пути, исключает ощущение, что есть и обратная сторона медали...

... В нашей среде необходимо наличие непопулярного института, который ставил бы ясность выше благополучия или сострадания, который противостоял бы нашим стремлениям и соблазнам, в котором не было бы ни капли снобизма, но были бы стандарты...

Итак, задачи университета ясны, даже если их сложно воплотить или просто с ними считаться. Самое важное — ставить во главу угла вечные вопросы... Не зная ответов, университет знает, что такое открытость, и знает сами вопросы. Также он хорошо знаком с режимом, в котором функционирует, и с угрозами, которые возникают в связи с деятельностью в таком режиме... Вводя бескомпромиссно строгие стандарты, университет рискует меньше, чем если бы он старался чаще давать послабления, потому что общество, во имя всеобщего равенства, стремится сделать стандарты менее четкими...

Необходимо следить за тем, чтобы общество действовало не только в своих собственных интересах, но и в интересах университета, дабы не пожертвовать ими ради того, чтобы стать более полезным, более необходимым, более популярным...

Итак, в своей деятельности университет должен руководствоваться одним простым правилом: он не должен давать студентам те знания, навыки и ощущения, которые доступны в демократическом обществе. Они в любом случае их получают. Он должен дать им тот опыт, который в обществе они получить не смогут...» (Bloom, 1987, p. 248–256).

Хотя такому описанию соответствуют немногие современные университеты и это представление Блума, оно, тем не менее, описывает лучшие из них и содержит основные черты традиционной модели университета. Если ему не соответствуют многие институты, дающие высшее образование, тогда, вероятно, они по сути не являются университетами. Широкое распространение названия «университет», которое может ввести в заблуждение, также будет обсуждаться в ходе дальнейшей дискуссии.

Главной темой данного исследования является существенное влияние, которое создание и поддержание академических стандартов могут оказывать на качество академического сообщества, попытка выявить роль стандартов и их поддержания. Сделать это достаточно сложно, что обусловлено природой этого блага. В отличие от архивов библиотеки или зданий, стандарты как разновидность затрат не могут быть просто приобретены, нельзя сказать, что им всегда легко соответствовать. В работе описываются стандарты, которые важны для всех заинтересованных сторон — студентов, профессорско-преподавательского состава, администрации, сообщества в более широком смысле, — и ряд специфических проблем, связанных с ними. Далее речь пойдет о способах поддержания стандартов.

Обзор новейших работ, посвященных нормам поведения

В последнее время появляется все больше работ американских экономистов и юристов, посвященных влиянию социальных норм на поведение. Одно из направлений, развиваемых в этих работах, — определение нормы: некоторые авторы интерпретируют нормы как обязательства (например, Cooter, 1998; McAdams, 1997a), но нам следует понимать под нормами основные тенденции поведения, желательные для той или иной группы. Хотя они обращают особое внимание на такие явления, как «порядок без закона» и роль социальных норм как субститутов или, наоборот, дополнений кодифицированного закона. Эти ученые потратили много времени на изучение происхождения и эволюции социальных норм (например, McAdams, 1997a, 1997b) и таких вопросов, как неэффективность норм (например, Posner, 1996). Подробности не так важны, как факт, что такие работы становятся основой всестороннего анализа норм как благ, «производимых» и оцениваемых индивидами как членами группы, к которой они принадлежат.

Чтобы лучше понять взаимосвязь между нормами, общественными благами и проблемой «безбилетника», рассмотрим пример, не относящийся к академической среде. Во многих обществах люди

привыкли ожидать своей очереди, если это необходимо — в путешествии (например, при посадке в автобус) или при осуществлении заказа (например, при покупке билетов в театр) и т. д. Готовность стоять в очереди — это норма, норма — это ОБ, так как она более-менее одновременно информирует всех нас о должном поведении в таких ситуациях. Она позволяет нам сэкономить как на затратах на обучение правилам перед каждой поездкой на автобусе или покупкой билетов в театр, так и на издержках неопределенности относительно должного поведения. Также мы можем оценить, придется ли нам ждать следующего автобуса или закончатся ли билеты в кассе, когда подойдет наша очередь. Мы не можем препятствовать другим членам общества обучиться этой норме и, таким образом, получать выгоду от знания еще одного «правила игры». Все мы выигрываем от этой нормы и можем продемонстрировать нашу готовность поддерживать ее или платить за нее, ведя себя согласно норме: мы стоим в очереди, как и все остальные.

Однако некоторые желающие получить выгоду от нормы редко хотят (или не хотят вообще) платить за ее сохранение: они пристраиваются в середину очереди, ездят по обочине перегруженной трассы, стоят в очереди с пассажирами первого класса, хотя у них билеты экономического класса. А если бы все поступали так же? Тогда норма исчезла бы, и другая норма — толкать и пробиваться вперед, приобрести билет или сесть в автобус, а может быть, нет — стала бы преобладать. Количество следующих норме «стоять в очереди» будет уменьшаться, она будет реализовываться реже, с меньшей вероятностью или вообще исчезнет³. Таким образом, неэффективно низкий уровень производства ОБ, или нормы, можно объяснить снижением вероятности поведения людей в соответствии с нормой или ее полным исчезновением, несмотря на ценность для членов общества⁴.

Мы можем трактовать нормы как производственные ресурсы, по аналогии с трудом или капиталом. Все организации используют те или иные нормы в процессе производства (например, форма одежды), но особенно значимую роль нормы играют в университете. Вышеупомянутая модель университета не могла бы существовать без норм или стандартов, что подчеркивает Блум, потому что в таком университете много сил и времени уходит на поддержание стандартов в процессе познания, преподавания («интеллектуальное

³ Нормы часто, как и в данном случае, отражают принцип минимизации затрат (хотя это не всегда так). Готовность людей стоять в очереди, вероятно, минимизирует затраты общества на достижение какой-либо определенной цели: заполнить автобус, распределить места в театре. (Однако нам может не понравиться результат распределения, если нам не хватило места в автобусе или билетов в кассе.) Действительно, если мы допускаем, что билеты покупаются по очереди, это может гарантировать, что их купит тот, кто предложит больше (ими могут быть не те, кто ценит билеты выше остальных).

⁴ Очевидным должно быть то, что «безбилетник» ценит норму. Если мы говорим об университете, важно различать тех, кто не подчиняется норме, потому что он с ней не согласен, и тех, кто согласен с нормой, но не хочет оплачивать свою долю издержек по ее сохранению. Важно также обратить внимание на то, что хотя поведение «безбилетника» может мешать сообществу и нарушать его нормы, оно является рациональным, так как индивид может получить выгоду без дополнительных затрат на ее приобретение или сохранение.

акушерство» у Блума, С. 20) и обучения. Действительно, как отмечает Гарри Джонсон (*Harry Johnson, 1975*), из-за своей роли в исследовании и улучшении культуры и обучения «университет является общественным благом» (С. 153). В отличие от фирмы, где клиенты навязывают стандарты, следование которым принесет прибыль, большую часть стандартов университета определяет широкое академическое сообщество. Стандарты могут не приносить прибыли — если исходят от «непопулярного института».

Если рентабельность или стоимость акций не может служить индикатором качества университета, то что же может? Мы не утверждаем, что стандарты являются показателем «производительности». В отличие от институтов, в большей степени ориентированных на рынок, успех университета связан с его репутацией в нескольких областях. Как образовательный институт, он непосредственно зависит от репутации профессорско-преподавательского состава и качества необходимой «инфраструктуры» (например, библиотеки, компьютеры, качество и количество студентов на той или иной образовательной программе) и качества и количества его студентов и выпускников. Его академические «продукты» — репутационные товары, привлекательность которых определяется прежде всего их репутацией. Они могут впоследствии принести значительную выгоду: заработанная положительная репутация сохранится. Репутация университета в неакадемической среде может зависеть, например, от благоустроенного кампуса или успехов его спортивных команд.

Ценность репутации как актива для университета обусловлена асимметрией информации. Многим клиентам известно о качестве института гораздо меньше, чем администрации и преподавателям. Наблюдается определенное сходство с проблемой выбора врача: человек не знает, как определить, насколько хорош тот или иной доктор, и полагается на рекомендации и репутацию врача среди друзей, которым он доверяет. Но если речь идет об университете, проблема информации становится сложнее, потому что, хотя администрация и профессорско-преподавательский состав знают о качестве своего «продукта» больше, чем клиенты, в отличие от врача или эксперта промышленных товаров, они не знают точных характеристик «продукта» и их ценности — качества отдельно взятого студента или ценности профессорского исследования.

Какие стандарты определяют репутацию высшей школы и как они появляются? Многие из ее продуктов похожи на то, что производит фирма (например, спортивные события, патенты, футболки или жилищное строительство), поэтому мы сконцентрируемся на академических продуктах: прежде всего на обучении студентов и на исследованиях преподавателей и студентов. По каким стандартам мы судим об их качестве? Создание и сохранение репутации требует заимствования норм или правил поведения как минимум из трех источников: преподаваемых дисциплин, дополнительных стандартов,

применяемых агентствами по аккредитации, которые взаимодействуют с университетами с положительной репутацией, и стандартов, сформировавшихся в ходе работы университета. Например, самые престижные университеты привлекают хороших студентов, подарки выпускников и поддержку в исследованиях, с одной стороны, благодаря особой концентрации преподавательских талантов, академических возможностей и своей репутации «производителя» важных исследований и выдающихся выпускников, с другой стороны, потому что они чтят стандарты дисциплин, которые там преподаются (например, вознаграждают факультеты физики за изобретения, ценные для этой сферы).

Какова роль этих стандартов? Университеты оценивают качество профессорско-преподавательского состава, в первую очередь ориентируясь на стандарты преподаваемых дисциплин. Например, чем более выдающейся с профессиональной точки зрения является аспирантура университета, количество и качество руководителей и их публикаций, тем более квалифицированными считаются аспиранты. Локальные стандарты также могут добавлять ценность университету (например, популярность среди студентов), но профессионализм имеет более значительный вес.

Помимо стандартов, определяемых дисциплинами, в вопросах оценки качества высших школ администрация и профессорско-преподавательский состав полагаются также на агентства по аккредитации. Их стандарты чаще всего не определяются дисциплинами, а отражают широко распространенные взгляды на характеристики качества высшего образования. Потенциальные клиенты университета, которые мало знакомы с достижениями в рамках академических дисциплин или с местными традициями (например, академическая честность студентов при написании работ, обусловленная сильным влиянием «кодекса чести»), могут счесть аккредитацию важной оценкой высшей школы: один или несколько экспертов подтверждают, что этот университет, в отличие от других, соответствует некоторым общепризнанным стандартам. Однако вопрос, действительно ли та или иная характеристика повышает качество образования, остается открытым.

Хотя анализ концентрируется на отклонении от различных дисциплинарных стандартов, стоит ожидать появления «безбилетников» и в области стандартов аккредитации. Насколько правильно подобраны архивы библиотеки, оцениваемые только по количеству книг, насколько легко получить к ним доступ? Насколько современны компьютеры в компьютерных классах? Агентства по аккредитации могут быть не слишком требовательными или, наоборот, применять чересчур строгие стандарты (McMurtrie, 2001, p. A27—28), а могут делать акцент в основном на финансовое состояние. Еще более важным является то, что аккредитация базируется в основном на относительных характеристиках. Агентство не может оценить качество преподавания, или усилия, затрачиваемые на обучение, или качество разговоров в столовой. Тем не менее аккредитация

может стать важным источником информации при принятии клиентом решения.

Наконец, в университете могут быть введены специфические стандарты, существующие только в рамках данного учебного заведения, такие, как кодексы чести, форма одежды, ограничения при приеме или особые правила исключения членов определенных групп (например, женщин).

Все перечисленные детерминанты репутации определяют требования или стандарты, которые мы можем считать явными или неявными правилами поведения. Дисциплина может требовать от преподавателей и студентов быть в курсе последних событий и публиковать работы в соответствии с профессиональными стандартами. Агентство по аккредитации может установить минимально необходимое количество разных курсов. Сама высшая школа может требовать определенного поведения от преподавателей (например, регулярно проводить консультации для студентов) и студентов (например, в письменных работах, помимо использования различных источников, высказывать и свое мнение). Как в нашем примере с нормой стоять в очереди, некоторые из этих стандартов имеют логическую связь с желаемым результатом: чтобы считаться человеком, который понимает французский язык, культуру и литературу, необходимо изучить определенные курсы в рамках программы по специальности «Французский язык». Логическое обоснование других стандартов может быть менее очевидным: например, стандарт ношения мантий преподавателями во время занятий. Однако все они являются правилами, или нормами, или стандартами, которые руководят университетом.

Если институт следует этим правилам, он рассчитывает получить и сохранить определенную репутацию. Группы агентов, входящих в его состав, верят в нее и поддерживают ее. Однако, как будет показано ниже, на конечный результат могут повлиять различные проявления проблемы «безбилетника».

Академические
нормы
и студенты

Поскольку мы изучаем разных агентов, действующих в рамках университета, остановимся на трех типах стандартов: стандарты допуска в академическое сообщество и в различные его составляющие (и — для студентов — стандарты окончания университета), стандарты академической деятельности в рамках сообщества и стандарты идентификации сообщества. Будучи краткой, наша работа скорее предполагает дальнейшее размышление, нежели является исчерпывающей.

Стандарты доступа
в университет,
к программе
или курсу

Потенциальный член академического сообщества должен сделать выбор относительно присоединения к той или иной его части: сначала он решает, присоединиться или нет, затем выбирает место («кампус») и программу (факультет, курсы в рамках факультета). Принятие решения имеет много общего с задачей, о которой за последние 50 лет написано множество работ в области экономики, а

именно с выбором локальных, или местных, общественных благ (например, *Tiebout*, 1956). В этих работах утверждается, что потребление многих традиционных ОБ ограничено территориально и возможно только на местном уровне; понятие «местный» определяется контекстом (например, город — для пожарной охраны, страна — для гражданских прав). Индивиды могут демонстрировать готовность платить за производство некоторого количества ОБ, выбирая свое «местоположение» (физическое, интеллектуальное, духовное). Сандмо (*Sandmo*, 1989) демонстрирует, как на выбор места работы влияют те аспекты условий труда, которые являются, по сути, ОБ.

Индивиды присоединяются к тому или иному академическому сообществу и выбирают то или иное место учебы или работы по разным причинам. Студенты присоединяются к сообществу для того, чтобы их считали людьми, соответствующими стандартам поступления и выпуска (конечно, есть и другие причины: требования родителей, отсутствие лучшей альтернативы, например, работы). Нормы или стандарты поступления и выпуска — это механизмы фильтрации, служащие для определения «ценности» студента. Привнесет ли он достаточно ресурсов в сообщество, чтобы повысить его качество, и достаточно ли он сделал, чтобы получить свидетельство об успешном окончании? Студент желает идентифицироваться с характеристиками института в целом, потому что такие ассоциации повышают его ожидаемую ценность для общества, они в значительной степени повлияют на его дальнейшую жизнь: занятость, друзей и прочие вытекающие отсюда последствия. Он принимает стандарты и ценит последствия того, что он следует им, или делает вид, что следует. Но действительно ли он живет согласно этим стандартам, или он хотел бы, чтобы ему приписывали следование стандартам без необходимости платить полную цену такого выбора?

Приходят на ум несколько форм оппортунистического поведения студентов. В условиях совершенной информации институту (или программа в рамках института, например, по профилирующей дисциплине) точно были бы известны характеристики студентов, а также их успеваемость. Однако некоторые студенты могут представлять в ложном свете свои способности, или приверженность к учебе (например, усилия, потраченные на обучение, культуру поведения), или и то, и другое. Крайний случай поведения «безбилетника» — попытка обрести статус «получившего диплом по специальности «История» в Национальном университете без учебы в соответствии со стандартом, поскольку такой статус представляет собой определенную ценность. Для некоторых менее популярных курсов чем меньше выполненных заданий и набранных баллов требуется для успешного окончания, тем лучше. Студент верит в стандарты — это основа для ценности института — и хотел бы, чтобы его сочли соответствующим этим стандартам без приложения существенных усилий для этого. Цель студента — получить диплом, не демонстрируя

необходимый уровень подготовленности. Если достаточное число студентов ведут себя таким образом, в конце концов пострадает репутация института и/или программы.

С этим связан и рост значимости дисциплины и, более того, значимости университета. Объем университетского образования нужно изучать постоянно — с течением времени появляются новые и чрезвычайно интересные, с интеллектуальной точки зрения, сферы (например, наука о компьютерах, сравнительное литературоведение, экономическая наука). Проблема проведения точных границ состоит в требовании создавать новые программы — не потому, что они отражают расширение сфер знаний, достойных дополнительных исследований, преподавания и публикаций (*Pelican*, 1992), а потому, что существующие дисциплины слишком требовательны к студентам и университет вынужден исключать или не принимать их (*Johnson*, 1975, p. 166). Так как университеты сами создают последователей в той или иной дисциплине в рамках программ для выпускников, они, вероятно, могут создавать и поддерживать дисциплину так долго, как будет существовать спрос на курсы со стороны настоящих и будущих студентов: пока студенты готовы, желают и имеют возможность платить (возможно, используя субсидии) за обучение в рамках курса и есть человек, желающий обучать их. Трудно противостоять требованиям расширить понятие университета, которое само по себе является академическим стандартом. Если одни члены академического сообщества поддерживают идею университета, другие, возможно, хотели бы воспользоваться его традиционной ролью: источника объективного анализа, тренировочной площадки для критического мышления и логических дискуссий — не неся издержек по поддержанию стандартов академических дисциплин, таких, как строгая методология, растущие объемы рецензируемых исследований, наблюдение и критика специалистов в смежных дисциплинах. Распространение прибыльных программ существенно упрощает решение финансовых проблем, с которыми сталкивается университет, но при этом ставит под сомнение определение университета. Это похоже на медленную и мучительную смерть.

Вопрос выхода за границы также возникает в процессе преподавания. Например, зачастую это происходит там, где содержание базовых знаний, требования для подтверждения профессиональности, да и значимость курса являются теми стандартами, которым многие хотели бы соответствовать, не неся при этом затрат. Администрация, студенты и профессорско-преподавательский состав — все они прекрасно понимают, почему в их интересах снизить затраты, не неся ответственности за ослабление стандарта содержания курса и его изучения. Чтобы обсудить значение способностей или той или иной линии поведения, необходимо учитывать академические стандарты, с помощью которых оцениваются результаты обучения студентов.

Большая часть методов оценки успехов студентов связана с той или иной формой ранжирования. Традиционные шкалы оценок отражают заданные стандарты качества для разных уровней изученности курса. Несовершенства в шкалах связаны с тем, что мы пытаемся обращать больше внимания на средние значения оценки и часто допускаем возможность апелляции. Однако студенты зачастую считают, что их оценки чересчур низки или что профессор слишком требователен.

Это отражает непонимание значения оценок, рейтингов и других свидетельств относительного качества результатов. Большинство студентов в принципе приветствует систему оценок, с помощью которой определяются и ранжируются результаты их учебы; они согласны с самой идеей оценивания, но могут выражать справедливые сомнения относительно этого процесса. Некоторые согласились бы на дискриминирующую систему оценки, но с условием, что они получили бы высший балл; они не выражают желания поддерживать систему, то есть честно прикладывать усилия и затем соглашаться с полученной относительной оценкой. Желание студента получить незаслуженную «пятерку» — яркий пример проблемы «безбилетника»⁵. Если каждый студент, желающий получить «пятерку», получал бы ее, рейтинговая система как норма перестала бы существовать. Действительно, превалирование преподавателей, не ставящих под давлением студентов оценок ниже определенной (например, «тройки» по традиционной пятибалльной системе), означает, что де-факто система из пятибалльной превратилась в трехбалльную. (Ниже мы рассмотрим подробнее такой оппортунизм со стороны преподавателей.) Без поддержки сообщества стандарт потерял свою ценность. В крайнем случае, стандарт исчезнет, так как, несмотря на систему оценок, принятую в университете, действительное ранжирование будет иметь мало смысла. Широко распространенная в США «инфляция оценок» (например, *Rojstaczer*, 1999, p. 18—19) — тому пример.

Традиционная система оценок может быть неоптимальной по многим параметрам или даже нежелательной. Но если сообщество выбрало стандарт отражения относительных успехов в обучении, проблема «безбилетника» — в данном случае поддержка системы при фактическом отказе следования ей в ряде случаев — может снизить его значимость либо ликвидировать его — так же, как отказ от применения делает ненужными гражданское и уголовное право. Без внесения исправлений или отмены системы члены сообщества не будут в курсе действительных стандартов, а стандарты, установленные ранее, будут скорректированы или ликвидированы⁶.

Стандарты
академической
деятельности

⁵ Примером может быть политика профессора Гарвардского университета Харви С. Мэнсфилда (*Harvy C. Mansfield*), ставившего студентам две оценки — «неофициальную, отражавшую его действительное мнение о работе студента в аудитории, и официальную, отражавшую его мнение о том, как оценивают студентов большинство профессоров» (*Schneider*, 2001, p. 3). Ни один студент не отказался получить его «ироническую» пятерку.

⁶ Почему мы используем шкальную систему оценивания? В отличие от оценивания рынком, где превалируют те стандарты продукта, которые ценны тем, кто готов платить, и где рентабельность является одним из возможных способов оценивания результатов деятельности, большинство систем высшего образования выбрали оценивание «экспертами», чьи знания дают им право оценивать результаты обучения. Если нам необходимо найти метод оценивания относительной успеваемости студентов, без той или иной шкальной системы не обойтись.

Позже мы обсудим поведение профессорско-преподавательского состава, а сейчас стоит заметить, что оценка — это неявный контракт между двумя сторонами. Студенты не могут вести себя оппортунистически без соучастия преподавателей. Преподаватели обычно поддерживают ту или иную форму системы оценок, так как она обеспечивает наличие структуры в оценивании ими достижений студентов и может быть необходимым стимулом учиться, по крайней мере на младших курсах. А раз так, значит, она стимулирует образовательный процесс, что и требуется преподавателям. Роль преподавателей в поддержании этого стандарта — сделать так, чтобы студенты поняли систему, а затем выставлять оценки внимательно, честно и последовательно. Оппортунизм среди преподавателей проявляется в отречении от этой ответственности под давлением студентов или из-за неприязни к процессу оценивания, что делает стандарт менее строгим. Более того, поскольку с помощью системы оценок трудно обеспечить себе популярность, а успехи в преподавательской деятельности часто зависят от популярности данного курса по сравнению с другими, отказ от системы оценок небольшого числа преподавателей ведет к повсеместному отказу и ослабеванию или исчезновению стандартов шкальной оценки (там же, С. 14—19). Действительно, давление со стороны студентов — всего лишь попытка получить более удобный для них стандарт, считает Тьебо (*Tiebot*, 1956). Но никто не гарантирует, что то, что удобно им, будет соответствовать стандартам института.

Поскольку закончить некоторые институты становится проще, конкуренция может заставить другие институты смягчить или — возможно, ненамеренно — ликвидировать свою систему оценок. Логический результат — широкое распространение инфляции оценок.

Как стандарт, система оценок расстроена из-за позиционной природы (*Hirsch*, 1977, р. 15—31) образовательной деятельности как блага (*Marks*, 1998). Позиционная ценность является характеристикой ряда других форм академических достижений (*Winston*, 1999). Ценность позиционного блага «сильно зависит от результатов сравнения с аналогичными товарами, потребляемыми другими людьми» (*Frank*, 1994, р. 186). Качество знаний, необходимое для получения высшего балла, в значительной степени определяется лучшим(и) студентом(ами); понятие «лучший» отражает комбинацию врожденных способностей, образования, полученного до университета, и усилий. Трактовка оценки зависит не только от того, в каком университете она была получена, но и от того, в какое время она была получена, так как это в значительной степени определяется студентами текущего года. Если качество студентов остается однородным, а система оценок неизменной, то университетский диплом со средним баллом «четыре» — лучший показатель качества образования, чем если студенты сильно различаются, особенно по доуниверситетскому образованию, семейным обстоятельствам и врожденным способностям. В США доля молодых людей в возрасте от 25 и старше, получивших университетское образование с 1960 по 1997 г.

утроилась (с 8 до 24%), что, вероятнее всего, говорит о возросшей неоднородности. Итак, если стандарт качества успехов в учебе относителен, это представляет собой проблему для академического сообщества в целом и для организаций по аккредитации в частности: не являются ли лучшие успехи студентов института столь посредственными, что не стоит называть это учебное заведение университетом.

Этот аспект академических стандартов чувствителен к распространению «универсального университетского образования», или массовости. В крайнем случае, если все граждане имели бы право посещать университет и все бы честно поступили, тогда стандарты качества знаний вряд ли поддерживались бы. Ирония универсального университетского образования в том, что оно может не достичь своих целей — большого количества квалифицированных граждан, которые лучше подготовлены к выполнению гражданских обязанностей, таких, как голосование — если возросшее относительное предложение выпускников университетов снизит предлагаемые им зарплаты. При этом снижение требований при выпуске такого большого числа студентов не только сделает их лишь немногим более образованными, но и снизит качество знаний студентов в более традиционном понимании. Этот эффект дополняет «обесценивание» дипломов, которое может последовать (*Hirsch, 1977, p. 48—51*), и фактически может помочь найти ему объяснение.

Академическое сообщество предполагает, что успехи студента в учебе отражают его собственные усилия и что финальная оценка поставлена студенту заслуженно. Оно разработало стандарт академической честности и истинности, иногда не очень четко сформулированный и зачастую опирающийся на специфические стандарты института. Эта черта сообщества так же важна, как и система ранжирования для точной оценки: обе необходимы для того, чтобы список достижений студента был надежным показателем качества его знаний, и должны отражать его способности и образованность. Хотя отдельные детали понятия «академическая честность» справедливо могут считаться спорными (например, правила цитирования), в основном она поддерживается как студентами, так и преподавателями. Без нее интерпретация оценки и самой системы оценивания была бы затруднена или невозможна.

Напомним, что поведение «безбилетника» отражает желание получить выгоду от стандарта без внесения своей доли на погашение затрат по его сохранению. В данном контексте студент высоко ценит доверие общества, обусловленное его честностью; потеря этого доверия сводит на ноль все достижения. Любая форма нечестного поведения несет в себе проблему «безбилетника». А что если бы все так себя вели? Честность в системе была бы утеряна, так же как и значимость любого оценивания знаний.

Поведенческий стандарт, связанный с описанным выше, — стандарт, регламентирующий поведение в аудитории и на территории

Интеллектуальная честность, поведение и значение аудиторных занятий

университета. Это поведение также стоит рассматривать в рамках деятельности студентов: чем хуже ведут себя студенты, тем более это значимо. Напомним, что студенты и преподаватели заинтересованы в аудитории как в месте для обучения, где отсутствует все, отвлекающее внимание и где существует благоприятная для активного обучения и диалога обстановка. Поддержание этого стандарта подразумевает, что участники — как студенты, так и преподаватели — делают свой вклад, приходя на лекции и семинары, готовясь к ним, слушая и принимая участие в дискуссии (оптимальный план занятия определяется предметом обсуждения). «Безбилетники» признают важность аудиторных занятий, но не желают прилагать усилий для продуктивной совместной работы (речь идет и о преподавателях, когда студентам приходится заниматься самообразованием). Если все будут вести себя так, тогда аудиторные занятия потеряют ценность: стандарт станет менее строгим или исчезнет.

Потенциальное исчезновение аудиторных занятий может стать сигналом: стандарт отмирает не потому, что недействителен, а потому, что слишком мало было сделано для того, чтобы его сохранить. Чтобы не отказываться от него с такой легкостью, стоит помнить, что объемы и качество полученных студентом знаний обуславливаются качеством знаний его друзей как в аудитории, так и вне ее. Ротшильд и Уайт (*Rothschild, White, 1995*) проанализировали «производство» высшего образования, среди прочих услуг, как одно из тех, при которых, говоря техническим языком, «клиенты являются факторами производства» и качество факторов во многом определяет качество конечного результата. Если качество знаний (и, вероятно, количество) друзей студента влияет на качество его образования, прекращение аудиторных занятий маловероятно. Пока не ясно, может ли интернет стать близким их заменителем. До тех пор, пока он не стал таковым, такие фундаментальные проблемы, как создание и мониторинг схождения интересов студентов в аудитории и тех, кто работает с курсом, должны быть решены.

Нет необходимости долго обсуждать такой академический стандарт, как атмосфера в университете в целом, способствующая обучению. Члены сообщества должны иметь возможность свободного общения, не опасаясь ограничений, ничем не затрудненного доступа к таким ресурсам, как книги и компьютеры. За исключением последнего, эти условия не являются обязательными для других институциональных образований, например для корпораций. Лишь немногие члены сообщества будут отрицать ценность такой атмосферы, но последние тенденции свидетельствуют о «безбилетниках», пренебрегающих этим стандартом даже на уровне местных университетов.

Было бы преждевременным завершать эту дискуссию, не упомянув стандарт, с помощью которого мы оцениваем совокупный эффект от пребывания студента в университете. Это тоже норма, хотя и не установившаяся, она поднимает вопрос обязательного посещения университета. Вот один из ответов: посещать университет

нужно для того, чтобы достигнуть интеллектуального и эмоционального преобразования благодаря обучению в нем — по-другому этого не достичь, — которое отличает выпускников от только что поступивших студентов. Это не общепринятая норма, она распространена только в университетах, и ее стоит сохранить. Она соответствует тому стандарту, с которого мы начали нашу дискуссию. Многие из того, что дает университет, так же или лучше смогли бы дать альтернативные способы проведения времени: работа, ученичество, военные или гражданские службы, проведение времени дома, изоляция в монастыре, путешествия. Качество обучения снижается, а стандарт теряет значимость: студенты поступают в университет только для того, чтобы получить диплом, и не принимают участия в учебном процессе (тратят большое количество времени на вышеперечисленные способы проведения времени); на результаты учебы студента оказывают влияние друзья.

Для того чтобы присоединиться к академическому сообществу и остаться в нем, преподаватели, как и студенты, должны соответствовать стандартам и вести себя в соответствии с нормами. Яркий пример проблемы «безбилетника» — студент университета, выбирающий высшую школу и академическую карьеру потому, что это может обеспечить ему жизнь, полную свободного времени. (Здесь мы различаем тех одаренных людей, для кого продуктивная академическая деятельность кажется естественной, и тех, кто стремится к относительно свободной жизни, работе без строгих ограничений.) Кто-то считает, что ученые и преподаватели чувствуют призвание к своей профессии, а это, в идеальном варианте, подразумевает гораздо больше работы, чем многие другие виды деятельности, и их желание не только поддерживать академические стандарты, но и создавать их кажется подсознательным. Описание истинных ученых, предложенное Хэгстромом (*Hagstrom*, 1965), уже устарело, но тем не менее может быть полезным.

Академические нормы и профессорско-преподавательский состав

«Подготовка будущих ученых часто выявляет людей, которые настолько привержены главным ценностям науки, что принимают их, не задумываясь. Исследование как род деятельности становится для них «естественным»; они считают очевидным, что людям должны быть чрезвычайно интересны открытия, изучение тонкостей природных механизмов, разработка теорий, которые в повседневной жизни могут и не пригодиться. Они могут предложить целый список причин, которые обуславливают то, что интерес к природе действительно является важной компонентой личности человека.

Такая приверженность является итогом длительного, продолжающегося и во взрослой жизни, процесса обучения, в течение которого студент огражден от конкурирующих профессиональных и интеллектуальных интересов и сильно зависим от своих учителей» (р. 9).

Такая характеристика подошла бы не только для преподавателей естественных наук, но и для всех остальных.

Чтобы оценить масштабы проблемы оппортунистического поведения среди преподавателей, стоит отметить, что условия приема на работу в значительной степени определяются академическими стандартами. Сохранение рабочего места за преподавателем зависит не от рентабельности компании и ее продаж, а от соответствия определенным стандартам или работы сверх того, что ими предписано, что обычно начинается с защиты докторской диссертации. Длительное время работы, зачисление в штат и продвижение зависят от соответствия более высоким академическим стандартам в области исследований, преподавательской и консультационной деятельности. Минимальный стоящий результат часто обеспечивает наивысшие статус и вознаграждение (например, внесение дополнений в фундаментальную теорию), а величайшие ученые часто и не стремились к получению прибыли (например, мало времени посвящали преподаванию или вообще им не занимались).

Описание Хэгстрема предполагает, что у преподавателей существуют предпочтения и ценности, которые отражают существующие и создают новые нормы, всесторонне описывающие академическую культуру. Хэгстром выделяет большое количество норм, например «независимость и индивидуализм»: существует свобода выбора проблем для исследования, методов и техники анализа, оценки и формулировки выводов в соответствии с результатами как собственного, так и других исследований (р. 105). Можно назвать и другие нормы, например, следование профессиональным стандартам прозрачности, точности и достоверности сбора и анализа данных, предоставление возможности другим специалистам ознакомиться с новыми идеями (например, публикации в академических журналах), отказ от вознаграждения, членство в профессиональных организациях и получение признания за вклад в науку. Большая часть этих норм относится к исследованиям и, по крайней мере негласно, делает их наиболее значимой частью академической деятельности: избегающий общения с коллегами — теми, кого мы можем считать активными участниками исследовательского сообщества — становится «непродуктивным и изолированным [тем, кто]... выпал из научной жизни; теперь он может обратиться к преподавательской деятельности» (р. 47).

Проблема «безбилетника» может подрвать по крайней мере некоторые из этих ориентированных на исследования норм. Наглядный пример — нераскрытые факты мошенничества. Контроль общения или его ограничение также подрывает норму свободных и открытых коммуникаций между учеными, преждевременная публикация результатов исследований в погоне за признанием становится проблемой для стандарта точности (р. 88, 99—100). Однако представляется важным отличать проблему «безбилетника» от других стимулов отклоняться от стандартов. Заинтересованность группы лиц в создании новой дисциплины или новой отрасли существующей дисциплины означает, что существующие стандарты могут оказаться неподходящими, а это станет проблемой не только для стандартов,

но и для более фундаментальной нормы независимости в науке, при выборе программы исследования (р. 207). Преследование таких целей, как богатство, или могущество, или одобрение неакадемических (особенно коммерческих) источников финансирования вместо общественного признания или уважения высших научных кругов, также является стимулом для девиантного поведения и размывает профессиональные стандарты. Но сложно будет отличить оппортунистическое поведение от поведения «безбилетника», если в качестве его цели мы упомянем и максимизацию времени досуга.

Стоит заметить еще раз, что некоторые стандарты — скажем, прозрачность сбора и анализа данных — более логично связывать с конечным результатом, чем остальные (например, норма, предписывающая вставать, когда старшие по званию научные работники входят в комнату).

Хотя ученые могут не согласиться с результатами хорошего исследования, но никто не будет отрицать его ценность для академического сообщества: это определяющая характеристика университета (*Pelikan*, 1992, р. 78—88). Здесь наша задача — не доказывать важность исследовательской деятельности, а обратить внимание на то, что этот стандарт, так же как и другие, делает привлекательным поведение «безбилетника»: например, мошенничество ослабляет стандарт, показывая, что результаты исследования могут быть ненадежными; это похоже на нечестное поведение студентов в «зарабатывании» оценок. Точно так же «безбилетник» верит в силу стандарта и получает выгоду от него, но не желает вносить свой вклад в его поддержание.

Более серьезная проблема — необходимость расширить границы определения исследования, не потому, что это ускорит процесс обновления и совершенствования знаний, но потому, что это позволит профессорско-преподавательскому составу получить право на вознаграждение за такую заслугу — например, продвижение по служебной лестнице. Хороший пример — распространение интернет-журналов, публиковать научные исследования в которых быстрее и проще, чем в традиционных печатных изданиях. Таким образом, затраты на издание журналов существенно снижаются, и потенциальная распространенность их постепенно становится реальностью (*Odlyzko*, 1999). Конечно, не важно, с помощью какого средства передаются научные достижения (напечатанная страница, видеокассета, монитор компьютера) — важны своевременность, творческий подход и точность. В действительности каждый может создать «научный журнал», и если найдет рецензентов, журнал получит еще и их отзывы⁷. Тогда будет сложно выделить общепринятый набор критериев для

Вклад в деятельность сообщества: исследования

⁷ Существуют отдельные примеры того, что такие журналы могут не применять стандарты, которые используют в более авторитетных традиционных журналах. Некоторые публикуются специализирующимися на учебниках издательствами, которые осуществляют также редакторскую работу и рецензирование. Часто эти функции выполняют работники корпоративного сектора, имеющие незначительный опыт работы в академической сфере либо не имеющие его вообще. Естественно, в некоторых журналах работы даже не имеют библиографии (например, некоторые опубликованные «бизнес-кейсы»).

публикации научной работы, но очевидно, что отсутствие единых критериев не будет означать, что публиковать можно все что угодно. Получается, что проблема оценки такого рода научной деятельности окончательно не решена (*Kiernan, 2000*).

Определение границ исследования предполагает наличие проблемы, связанной с академической свободой и традицией работы на штатной академической должности. Осуществление принципов академической свободы и «независимости и индивидуализма» является стандартом, также подверженным проблеме «безбилетника»: еще более сложный вопрос — эффект воздействия работы в штате на поддержание этого академического стандарта. Многие люди, не являющиеся членами академического сообщества (а также некоторые принадлежащие к нему), считают, что неявная «изоляция на рабочем месте» многих штатных преподавателей является примером поведения «безбилетника». Но возникает несколько контраргументов. Например, такой: штатный преподаватель может вести себя не так, как внештатный, но это не значит, что он работает менее продуктивно. В действительности штатные преподаватели могут быть теми, для кого характерно наибольшее стремление к улучшению, расширению и разнообразию знаний наименее обычными и привычными способами: исследования и разработки в преподавании наиболее результативны в условиях некоторой автономии, которую обеспечивает штатная должность. Макферсон и Шапиро (*McPherson, Schapiro, 1999*) исследовали ряд вопросов, связанных с работой на штатной должности. В их обзоре содержатся доказательства того, что продуктивность штатных преподавателей снижается, но эти свидетельства дополняются многочисленными исследованиями, указывающими на отсутствие такого снижения, особенно если под продуктивностью понимать не только исследования и преподавание, но и совокупную полезность для университета и общества, т.е. интерпретировать ее более сообразно ее экономическому смыслу⁸.

Вклад в развитие сообщества: преподавательская деятельность

Преподавание представляет собой второй пример использования принципа академической свободы. Проведение аудиторных занятий и подбор разнообразных материалов для курса обычно остаются прерогативой преподавателя. Уважение общества к преподавателям

⁸ Некоторые убеждены, что более важным вопросом является воздействие пребывания на штатной должности на «структуру полномочий в университете». Например, штатные преподаватели с большей вероятностью будут оценивать успехи студентов, молодых коллег и университетскую и общественную политику непредвзято. Более того, они могут себе позволить обратить всеобщее внимание на обладающие потенциальной значимостью более долгосрочные последствия различных академических решений (например, финансирование фундаментального исследования, создание или ликвидация образовательной программы), которые административные работники, студенты или другие заинтересованные лица хотели бы или вынуждены не принимать в расчет или не замечать. Наконец, если качество профессорско-преподавательского состава находится в центре университетской миссии (хотя и не является единственной его составляющей), и если преподаватели обладают наиболее подходящей квалификацией, чтобы оценить потенциальных коллег при приеме на работу, зачислении в штат, тогда процесс принятия ими решений должен быть независим от влияния других, менее осведомленных, заинтересованных лиц. По иронии судьбы, все эти аргументы наглядно показывают, почему существование штатных должностей является таким важным методом поддержания академических стандартов.

сильно зависит от их приверженности к преподаванию, и из такого подхода возникают определенный стандарт преподавания и нормы поведения в аудитории (например, уважение к студентам, непредвзятое оценивание их знаний, основанное на степени усвоения курса, планирование занятий и представление материала с действительным намерением научить).

Ранее мы отмечали, что снисходительное оценивание может являться поведением «безбилетника». Этот пример демонстрирует такой подход к преподаванию, который может быть удобен как для студентов, так и для учителей, но не соответствует стандарту, характеризующему университет. Поскольку преподавателям предоставляется некоторая свобода действий в ведении своего курса, возможности для их оппортунистического поведения довольно широки. При этом качество преподавания измерить чрезвычайно сложно. Озабоченность ухудшением стандартов аудиторной работы, по крайней мере в США, привела к началу широкой дискуссии по этой проблеме (например, *Edmundson, 1997; Altschuler, 1999; Douglas, George, 1999*). Всеобщая обеспокоенность говорит о том, что академическое сообщество осознает, что поведение «безбилетника» является привлекательной альтернативой, а контролировать его практически невозможно. В том числе и из-за этого беспокойства популярным стало оценивание студентами качества преподавания. Однако возможен и обратный эффект таких действий: качество преподавания не улучшится, а преподаватели будут делать еще больше для выгоды студентов (например, *Wilson, 1998*) — такая тенденция еще в большей степени ухудшит качество аудиторных занятий. Учитывая позиционную природу академических достижений студентов, преследование цели потворствовать студентам может требовать полного или частичного отказа от приверженности к хорошему преподаванию.

Преподаватели и работники, выполняющие административные обязанности и занятые полный рабочий день, совместно осуществляют руководство и управление университетом. К интересам административных работников относятся, во-первых, идеалы университета, сохранение академических стандартов, а во-вторых, соответствие требованиям заинтересованных лиц, не являющихся преподавателями (например, студентов, родителей, выпускников, попечителей, работодателей, юристов, наемных работников и, возможно, их профсоюзов). Многие заинтересованные лица, скорее из-за незнания и безразличия, нежели из-за намеренного оппозиционного настроения по отношению к университетскому сообществу, не обладают приверженностью преподавателей к академическим стандартам и к университетским идеалам. Они бы предпочли, чтобы жизнь университета больше походила на жизнь фирмы, или государственного учреждения, или центра бизнес-тренинга. Например, они могут не понимать, почему не приносящая доходов программа продолжает существовать или почему не создается прибыльная программа (например, занятий спортом), которая обеспечила бы максимальный

Академические нормы и администрация университета

доход. Также они могут не понимать, почему допускаются различные варианты поведения преподавателей и почему одних преподавателей нанимают, а других увольняют.

Политические и экономические требования могут стимулировать административных работников использовать статус университета в неакадемических целях. Поскольку они разрабатывают и воплощают программы управления для всего университета, то, в частности, могут менять вид института таким образом, что он потеряет какие-то из черт университета. Очевидна важность, например, решений, влияющих на объемы учебных часов программы факультета или на их существование; менее очевидным является изменение расписания или максимально допустимых размеров групп (например, значительно сжатые курсы или даже программы обучения для удобства студентов). Университеты могут повысить свою рентабельность, используя способы, мало относящиеся к университетской деятельности: продажа внеуниверситетских курсов и дипломных программ корпоративным клиентам, несмотря на конфликт интересов, свойственный «оцениванию» прибыльного клиента, предложение дополнительных кредитов⁹ за курсы сомнительного академического достоинства, осуществление специального финансирования разнообразных спортивных мероприятий и дополнительные программы продаж (например, одежда) (*Sperber, 2000*), конкурирование с частными компаниями (например, книжный магазин, печать и публикация).

Административные работники приводят разные аргументы в свою защиту: необходимость средств для финансирования академических программ, нежелание вмешиваться, если преподаватели готовы учить, а студенты готовы посещать курс, либеральное отношение к образованию, необходимость привлечения студентов. Еще один аргумент: «Если мы не сделаем этого, это сделает кто-то еще», — и он зачастую соответствует действительности. Такое затруднительное положение показывает, как по-разному можно трактовать вопрос о том, что важно для университета: нехватка средств, черты истинного университета или и то и другое.

Административные работники и преподаватели могут ориентироваться на разные временные горизонты, что влияет на их отношение к поддержанию стандартов. Преподаватели с большей вероятностью считают себя частью единого профессионального сообщества, которое, для устоявшихся дисциплин, имеет богатую, иногда древнюю интеллектуальную традицию, представителями которой они сейчас являются и которую надеются дополнить, внося свой вклад в виде результатов исследований, влияния на современников и многие поколения студентов. На данный момент они просто выбрали местом своего пребывания тот или иной университет. Как и студенты, они действуют в соответствии с нормами, обусловленными дисциплиной, а также со стандартами академической жизни, при выборе

⁹ Дополнительные кредиты — здесь: баллы за прохождение того или иного курса, определенная сумма которых дает право на получение диплома. — *Примеч. перев.*

карьеры они одновременно решили поддерживать профессиональные стандарты и, вероятно, верны прежде всего профессии и только потом — университету. Профессиональные административные работники больше похожи на должностных лиц корпорации. Они должны регулярно находить финансирование для бюджета университета. Поиск источников финансирования может определять некоторую часть или полностью их дополнительный вклад, сверх поддержания лучших традиций университета; к этим заинтересованным лицам могут относиться выпускники, юристы, работодатели, а также студенты и их родители. С другой стороны, бюджет — это затраты. Многие из тех, кто использует средства университета, не задумываются о его сущности, когда обращаются за финансированием к этому источнику. Необходимость управлять поступлением средств и их использованием, причем в сравнительно короткие промежутки времени как для первого, так и для второго, должна оказывать влияние на интересы административных работников (например, *Ehrenberg, 1999*). Хотя многие из них — бывшие преподаватели, которые в свое время выбрали академическую карьеру и не думали о карьере управленца; несмотря на то что некоторые предпочли бы вернуть себе должность преподавателя, многие остаются в администрации университета. Очевидно, что некоторые бывшие преподаватели, ставшие потом административными работниками, были менее удовлетворены академической деятельностью и/или менее успешны в ней и не могли больше поддерживать приоритеты и нормы профессорско-преподавательского состава.

Экономисты предлагают различные методы решения проблемы «безбилетника», касающейся возможности определить и профинансировать производство эффективного количества общественного блага или услуги (например, полицейские подразделения). Наиболее известные методы подразумевают «раскрывающие правду» схемы налогообложения. Мы же назвали общественными благами те стандарты и нормы, которые определяют качество результатов работы университета; их природа такова, что они не оплачиваются и не поддерживаются с помощью средств из налоговых поступлений, а устанавливаются в соответствии с поведением участников.

Прежде чем перейти к подробному рассмотрению методов, стоит подумать, не упростит ли саму проблему и ее решение какая-либо альтернативная модель. Возможно, решением проблемы «безбилетника» станет «непрерывное управление качеством» (*total quality management, TQM*). Если TQM распространяет чувство единства и общие ценности внутри фирмы, его использование могло бы устранить оппортунизм. Например, из сферы управления качеством пришла идея циклов качества, а именно — вовлечения в процесс решения проблем и улучшения качества неоднородных групп работников. Однако как ориентация на стандарты при оценке качества, так и угроза «безбилетников» (в отличие от уклонения от работы) не так важны в бизнесе. Более того, потребители играют ведущую роль

Как решить
проблему
«безбилетника»

в TQM, но, как отмечалось и в ходе нашей дискуссии, и в недавних работах (например, Marks, 1998), стремление университета сконцентрировать усилия на удовлетворении интересов клиентов порождает ряд проблем, с которыми сложно справиться.

Можно предположить в качестве альтернативы, что концептуальным вопросом является вопрос агентских отношений, а не общественных благ и поведения «безбилетника». По аналогии с работой менеджеров в интересах владельцев, возможно, преподаватели тоже являются агентами для своих принципалов — студентов, административных работников, попечителей, выпускников, граждан, — а совершенной системы мониторинга их деятельности просто не существует, поэтому они стремятся уклониться от выполнения своих обязанностей. Проблеме агентства и различным частным ее решениям экономисты посвятили большое количество работ, акцент в которых делался в первую очередь на структуре контрактов между принципалом и агентом. Этот подход не учитывает относительную автономность профессорско-преподавательского состава, который знает о своей работе гораздо больше, чем те, кто может быть принципалами. Основная сложность, связанная с этой моделью, заключается в идентификации принципала, то есть лица, для которого, в отличие от перечисленных выше групп лиц, выполнение функций принципала было бы основным видом деятельности. Уклонение от выполнения условий контракта и поведение «безбилетника», выражающееся в нежелании демонстрировать истинную готовность платить, также являются в корне различными моделями поведения.

Наконец, авторы недавних исследований (например, Ostrom, 2000) предполагают, что модель общественных благ и «безбилетников» вовсе не так проста и что определенные «принципы дизайна» влияют на эффективность и гибкость производства норм и стандартов как общественных благ. Условия для определенного коллективного поведения — «институциональный, культурный и биофизический контекст» и «типы участвующих индивидов» (р. 154) — могут оказывать значительное воздействие на количество и долговечность общественных благ или норм. Однако применение таких моделей к академическим стандартам далеко завело бы нас; этот вопрос достоин написания отдельной работы.

Большую часть так называемых решений проблемы «безбилетника», упоминающихся в экономической литературе, трудно применить на практике. Они предъявляют к полномочиям по накоплению и распределению средств существенные административные требования и требования по сбору информации, а также подразумевают, что граждане-потребители будут действовать с несвойственной им в действительности активностью и заинтересованностью (Sandmo, 1989, р. 264). Поэтому, вместо того чтобы искать решение проблемы «безбилетника», мы просто рассмотрим некоторые ее последствия.

Для простоты мы сосредоточимся на проблеме «безбилетника» среди студентов, где создание и поддержание стандартов происходят относительно открыто (потому что мы можем предположить,

что они задаются «извне» — преподавателями и административными работниками). Подразумевается, что студенты соглашаются поддерживать эти стандарты, поступая в университет и стремясь получить диплом. Работы, посвященные нормам, рассматривают спрос на уважение и его предложение как базу для создания приемлемых норм (например, *McAdams, 1997a*) — в соответствии с идеей, что масштабы оппортунизма сильно зависят от размера группы, так как уважение, которое испытывает человек, напрямую с этим связано. Следовательно, обучение и оценивание в небольших группах может снизить вероятность такого вида оппортунистического поведения, как мошенничество. В маленьких аудиториях появляется стимул вести себя лучше, это справедливо и для небольших университетов, особенно если студентов объединяет совместное проживание, а значит, и чувство единства сильнее. Создание групп студентов со схожими способностями и мотивацией желательно и для того, чтобы снизить привлекательность попыток добиться «успеха за счет объединения». Подобные меры предосторожности были бы не так важны для тех, кто, вероятнее всего, не является «безбилетниками» («слишком успевающими студентами»), если бы мы могли их идентифицировать.

Если уменьшение размеров снижает стимулы к оппортунистическому поведению внутри группы, класса или университета, мы можем найти несколько небольших университетов, которые выпускают студентов подлинно среднего уровня. В этом случае программы с внешней сертификацией (например, бухгалтерский учет, медицина) применяют стандарт качества и в меньшей степени подвержены проблеме «безбилетника». Следовательно, осуществление контроля качества с помощью стандартизированных тестов и аккредитации, вместо тестирования рынком, стало бы несовершенным, но практичным способом ликвидировать стимулы к оппортунистическому поведению, если бы мы были готовы жить с его последствиями: групп, классов и университетов периодически не хватало бы, а мониторинг был бы иногда слишком строгим или слишком мягким. Это важно для стандартов, но действительно сложно.

Решить проблему для преподавателей еще труднее. Существующая практика, например аккредитация, явно ставит под сомнение качество институтов. Комитеты ученых могли бы составить список необходимых для научного журнала характеристик независимо от способа его публикации. Проблема оценки качества и объемов преподавательской деятельности остается нерешенной; к сожалению, отсутствие надежных инструментов не предотвратило использование различных методов оценивания, несмотря на их некорректность. Хэгстром (*Hagstrom, 1965*) приводит примеры механизмов управления, действующих внутри профессионального сообщества (см. р. 85—99), но эта система неформальна и не проработана до конца.

Альтернативой может быть более точное определение термина «университет». Большинство проблем можно решить путем сохранения этого названия только для тех институтов, которые соответствуют стандартам, а таких было бы очень немного (и даже они не были бы

застрахованы от проблемы «безбилетника»). Для остальных можно придумать другие названия.

Очевидно, данные рекомендации противоречат последним тенденциям в высшем образовании, таким, как увеличение численности классов или их ликвидация, расширение университетов, универсальное высшее образование, растущее число институтов, получивших статус университета (по крайней мере в США). Такое положение дел говорит о том, что сохранение значимости университета будет процессом сложным и, возможно, тщетным.

Заключение

Некоторые из сделанных выше замечаний подразумевают, что вопросы, обсуждаемые в этой работе, могут быть семантическими: мы не соглашаемся с определением университета, мы лишили этого названия те институты, какие захотели, или просто придираемся к мелочам. Все эти ответы неудовлетворительны. Модель университета, описанная в самом начале, труднодостижима, она описывает единственный и, вероятно, важнейший для общества институт, а не большинство институтов, дающих высшее образование. Какие-то черты модели действительно характеризуют студентов, преподавателей и административных работников, которые боятся потерять свое место. В отличие от выводов предшествующей дискуссии, многие из этих агентов ведут себя соответственно предсказаниям модели: некоторые отклонения в поведении отражают действительное несогласие со стандартами или различную реакцию на одни и те же нормы. К тому же некоторые стандарты являются гибкими и поддерживаются по этой причине. Однако нежелание демонстрировать свою истинную готовность платить также широко распространено, что неудивительно: поведение «безбилетника» рационально.

Особенность университета — в том, что некоторые из определяющих характеристик, в том числе стандарты и нормы, о которых мы говорили, — находятся под постоянной угрозой снижения значимости или исчезновения. Эти стандарты неизбежно будут общественными благами, в обществе неизбежно будут существовать «безбилетники», а любое из возможных решений проблемы будет неизбежно требовать бдительности и внешних стандартов. Надеемся, данная дискуссия прояснила по крайней мере некоторые вопросы в рамках этой проблемы и сделала возможным ее понимание.

Литература

- Altschuler, G.* (1999) Let me edutain you // *New York Times* (Education Life Supplement), 4 April, p. 64.
- Bloom, A.* (1987) *The Closing of the American Mind* (New York, Simon and Schuster).
- Cooter, R.* (1998) Expressive law and economics // *Journal of Legal Studies* 27:2 (Pt. 2), pp. 585—608.
- Douglas, L. & George, A.* (1999) If it pleases the class // *Chronicle of Higher Education*, 45 (4 June), p. A60.
- Edmundson, M.* (1997) On the uses of a liberal education // *Harper's Magazine*, September, pp. 39—49.
- Ehrenberg, R.* (1999) Adam Smith goes to college: an economist becomes an academic administrator // *Journal of Economic Perspectives*, 13, pp. 99—116.

- Frank, R.H. (1994) *Microeconomics and Behavior*, 2nd Ed. New York, McGraw-Hill.
- Hagstrom, W.O. (1965) *The Scientific Community*. New York, Basic Books.
- Hirsch, F. (1977) *Social Limits to Growth*. Cambridge, Harvard University Press.
- Hodgson, G. M. (1998) The approach of institutional economics // *Journal of Economic Literature*, 36, pp. 166—192.
- Johnson, H. (1975) *The university and social welfare* // Johnson, H. *On Economics and Society*. Chicago, University of Chicago Press.
- Kiernan, V. (2000) Rewards remain dim for professors who pursue digital scholarship // *Chronicle of Higher Education*, 46 (28 April), p. A45.
- Marks, D. (2000–2001) What if everyone did that? «Community standards» as public goods // *Journal of Business Economics Research*, 3, pp. 149—161.
- Marks, D. (1998) Is the university a firm? // *Tertiary Education and Management*, 4, pp. 245—254.
- McAdams, R. H. (1997a) The origin, development, and regulation of norms // *Michigan Law Review*, 96, pp.338–433.
- McAdams, R.H. (1997b) Comment: Accounting for norms // *Wisconsin Law Review*, 1997, pp. 625—637.
- McMurtrie, B. (2001) Regional accreditors punish colleges rarely and inconsistently // *Chronicle of Higher Education*, 47 (12 January), pp. A27—A28.
- McPherson, M.S. and Schapiro, M.O. (1999) Tenure issues in higher education // *Journal of Economic Perspectives*, 13, pp. 85—94.
- Odlyzko, A. (1999) Tragic loss or good riddance: the impending demise of traditional scholarly journals // *Accounting Education News*, Winter, pp. 13—15.
- Olson, M. (1965) *The Logic of Collective Action: Public Goods and the Theory of Groups*. Cambridge, Harvard University Press.
- Ostrom, E. (2000) Collective action and the evolution of social norms // *Journal of Economic Perspectives*, 14, pp. 137—158.
- Pelikan, J. (1992) *The Idea of the University*. New Haven, Yale University Press.
- Posner, E. (1996) Law, economics, and inefficient norms // *University of Pennsylvania Law Review*, 144, pp. 1697—1744.
- Rojstaczer, S. (1999) *Gone for Good: Tales of University Life after the Golden Age*. Oxford University Press.
- Rothschild, M. and White, L.J. (1995) The analytics of pricing in higher education and other services in which customers are inputs // *Journal of Political Economy*, 103, pp.573—586.
- Sandmo, A. (1989) Public goods // Eastwell, J., Milgate, M., and Newman, P. (Eds.) *Allocation, Information, and Markets (From The New Palgrave)*. New York, W. W. Norton.
- Schneider, A. (1998) Insubordination and intimidation signal the end of decorum in many classrooms // *Chronicle of Higher Education*, 44 (27 March), p. A12.
- Schneider, A. (2001) At Harvard, a veteran of the grade-inflation wars launches a guerrilla offensive // *Chronicle of Higher Education*, website chronicle.com. February 6.
- Sperber, M. (2000) *Beer and Circus*, New York, Henry Holt and Co.
- Tiebout, C.M. (1956) A pure theory of local expenditures // *Journal of Political Economy*, 64, pp. 416—424.
- Wilson, R. (1998) New research casts doubt on value of student evaluations of professors // *Education*, January 16.
- Winston, G.C. (1999) Subsidies, hierarchies, and peers: the awkward economics of higher education // *Journal of Economic Perspectives*, 13, pp.13—36.